

Н. Л. Швецова

А. М. Селищев о происхождении, семантике и структуре прозвища

В статье описана концепция А. М. Селищева о прозвище как исторически динамичной антропонимической категории, изложенная им в работе "О происхождении русских фамилий, личных имен и прозвищ". Представлена лексико-семантическая и структурная типология русских прозвищ общенародного и диалектного характера XIV–XVII веков.

Ключевые слова: антропоним, прозвище, мотивация, словообразовательный аффикс, словообразовательная модель.

Прозвище — вид антропонима, неофициальное дополнительное имя, данное человеку в любой период его жизни окружающими людьми в соответствии с каким-либо признаком (внешними физическими чертами называемого, особенностями его характера и поведения) или сопутствующим жизни обстоятельством и ограниченное сферой употребления. Прозвищем может быть наделено не только отдельное лицо, но и группа лиц, семья, целый народ, а также неживые предметы, животные, населенный пункт, улица, любой географический объект.

В силу своей неофициальности оно является мягким и удобным материалом для воплощения бурной, но всегда наблюдательно точной фантазии народа.

Прозвище — древнейший антропоним. Однако историческая давность этой категории определяется специалистами по-разному. Одним из первых основополагающих исследований по истории прозвищ является посмертно опубликованная статья Афанасия Матвеевича Селищева "О происхождении русских фамилий, личных имен и прозвищ". Работа раскрывает взгляд автора на происхождение прозвищных именований, семантическое многообразие их основ, морфемную структуру и словообразование личных некалендарных имен, прозвищ и фамилий, а также связь антропонимических единиц друг с другом и с феодально-классовой формацией.

Исследование А. М. Селищева тесно связывает судьбу русских прозвищ с личными некалендарными именами. И те и другие существовали с давних времен как равноценные категории именования. В качестве личного и прозвищного имен применялись разнообразные слова бытового языка, при этом выбор прозвищного имени был гораздо более свободным. С введением на Руси христианства в 988 году наряду с языческими в обиход входят христианские календарные имена. Не желая отказываться от прежних традиций, восточные славяне дают детям два имени: мирское и церковное. Постепенное вытеснение языческого мироощущения, выразившегося в частности в апеллятивных бытовых именах, заняло почти шесть столетий. С XVI–XVII веков некоторые древнерусские имена, считает А. М. Селищев, постепенно начинают восприниматься как прозвища, а традиция давать детям два имени забывается вначале в княжеской среде, затем в прочих группах населения.

Переход личных мирских имен в разряд прозвищ в XVI–XVII веках отмечается многими учеными: А. Соколовым, В. А. Никоновым, В. К. Чичаговым, Е. Н. Поляковой, В. П. Тимофеевым. На этом историческом факте основывается и другая теория происхождения прозвищ, менее распространенная в ученых кругах. Суть ее в том, что до определенного момента значение слова прозвище было эквивалентным понятию личное некалендарное имя. Другими словами, понятия прозвища в современном его понимании не существовало. В. К. Чичагов, например, относит этот "момент" к XV–XVI векам. Появление прозвищ связано с переосмыслением роли вторых мирских имен. При этом прозвища, возникшие не из прежних, дохристианских имен, по мнению В. К. Чичагова, стали появляться в ту пору, когда древнерусские имена уже были осознаны как прозвища [3].

Выбор имени в древней Руси не был ограничен рамками именика. Им могло быть любое слово бытового языка. Классификация прозвищ по значению основы, подкрепленная А. М. Селищевым богатым эмпирическим материалом, в том числе и диалектным пластом, стала первой

серьезной разработкой в области семантики прозвищ и некалендарных имен и образцом для последующих исследователей-ономастов.

А. М. Селищев выделяет несколько групп личных имен и прозвищ "по значению основы".

1. Имена и прозвища, связанные с обстоятельством появления нового члена семьи: *Найден, Ненаш* [*Ненаш Федоров сын Шетилов (1616 г.)*], *Краденый, Бажень, Любим, Милый, Жданко* и др.
2. Имена профилактические: *Бессон, Бессмертной, Горе, Грязной* [*Грязной Офонасьев, попов сын Тимофеев (1557 г.)*], *Живой, Злоба, Негодяй, Неудача* и др.
3. Прозвища, отражающие семейные отношения, порядок и место рождения: *Первой* [*Первой Мефодья сын Ерш, кр-н (1585 г.)*], *Вторка, Третьяк, Четвертка, Пятух, Шестак, Малик, Годовик, Неделя, Дед, Зять, Домашней* [*Микита да Домашней Елагины (1555 г.)*].
4. Имена и прозвища, связанные с внешним видом называемого, физическими недостатками: *Безбородой, Беспятой, Белогруд, Болдырь* (выродок, ублюдок), *Бородатой, Брюхатой, Бугай, Гладкой, Глаз, Гнилозуб, Губан, Дутая нога* [*Максим Дутая нога*], *Коротыга, Курбат* (малорослый толстячок), *Пузо, Румянец, Шадра* [*шадра — рябой; Нестерик Шадра, кр-н (1495 г.)*] и др. (всего 311 единиц).
5. Имена и прозвища, характеризующие называемого по его свойствам: *Баламут, Бесстужко, Блудило, Булгак* (беспокойный, суматошный человек), *Бурнаш* (задира, беспокойный человек, холостяк разгульной жизни), *Ворыпай* (вороп — налет, набег, грабеж, разбой), *Грешной, Дурень, Лабута* (неуклюжий, бестолковый человек), *Надежда, Неугод, Охлеста* (озорник, наглец), *Ощеря* (сердитый, показывающий зубы), *Рахманин* [*Рахманин Тюленин, бояр. сын (1501 г.)*; *рахманин* — на северо-востоке — веселый разгульный щеголь; к югу и юго-западу от Москвы — вялый, хилый, глуповатый], *Ряха* (нарядный, аккуратный), *Севрюк* (угрюмый), *Скугора* [*Скугор Боков (1610 г.)*; *скугорить* — хныкать, плакать], *Суторьма* (суета, беспорядок), *Сутырга* (вздорный человек), *Хлюста* (обманщик), *Хорошей, Щаплыга* (щеголь), *Яруй* и др.
6. Прозвища, мотивированные социальным и экономическим положением: *Бобыль* [*Куземка Бобыль, кр-н (1495 г.)* и другие кр-не], *Богатой, Гольтепа* [*Ивашко Гольтепа, якутский казачий десятник (1684 г.)*], *Посадник, Селянин* [*Селянин, боярин (1472 г.)*].
7. Имена и прозвища, указывающие на занятие, должность: *Быкодер, Дьяк* [*Фролка Дьяк, холоп (1491 г.)*], *Дудолад, Кожемяка, Коновал, Кровопуск, Мошон* (изготавливающий мошны — кожаные кошель), *Ратай* [*Ратай Муратов сын, землевлад. (1555 г.)*], *Росторгуй, Рудомет* (кровопускатель), *Ярыга* и др.
8. Прозвища и имена, указывающие на место происхождения (пришельцы): *Несвой, Ненаш, Чужаня, Казанец, Москвитин, Новожил, Новоприходец* [*Тамилко Новоприходец (1612 г.)*], *Черкасско* и др.
9. Прозвища, в основе которых лежат наименования элементов церковного быта и церковной иерархии: *Аминь* [*Федор Шубачеев Аминь, московский посол в Орде (1348 г.)*], *Богомаз, Грешной, Новокрещен, Попадья* [*Василий Попадья*].
10. Насмешливые клички: *Беспортошник, Булыга* (дубина, неотесанный человек), *Говно, Долгие поньки* (понька — понява), *Дылда* [*Васька Иванов сын, прозвище Дылда, кр-н (1629 г.)*], *Кривой колпак, Набезденежье, Поганный поп* [*Федька Васильев, прозвище Поганный поп, кр-н (1669 г.)*], *Самоделка, Умойся грязью* [*Федор Умойся грязью, псковитин (1606 г.)*], *Подсекикорова, Раздухвост* и др.
11. Имена и прозвища, в основе которых лежат наименования животных: *Баран, Векша, Волчий хвост* [воевода Владимира (984 г.)], *Коза, Кобель, Кот, Котенок, Кошка, Куница, Медведко, Телица, Щенко* и др.
12. Прозвища, мотивированные наименованиями птиц: *Беркут* [*Беркут Блудов*], *Ворона* [*Ивашко Ворона, кр-н (1495 г.)*], *Гагара, Журав, Орел, Орлик, Сыч, Тетеря, Тетера, Чапыра* (цапля) и др.
13. Наименования насекомых: *Блоха, Гнида, Жук, Мураш, Паук* [*Паук Петров сын Заболоцкой, моск. пристав (1555 г.)*] и др.
14. Имена и прозвища, в основе которых лежат названия рыб: *Ерш, Лещ, Рыба* [*Ивашко Рыба, Аверкиев*], *Сом, Щука* и др.

15. Названия растений: *Арбуз, Береза, Вереско, Дубяга, Кочень, Огурец* [пономарь, Огурцом зовут (1591 г.)], *Проскурят, Рогоза* [Ивашко Рогоза; Рагоза Булгаков], *Рокита, Ячмень* и др.
16. Названия пищи: *Бардук* (саламата или кисель из муки), *Борц* [Борц Кондратьев сын Клементьева (XVI век)], *Коврига, Кокура, Лепеха, Опара, Простокиша, Сахар* [Сахар Меньшево, бояр. сын (1612 г.)], *Тюря, Горячие щи* и др.
17. Имена и прозвища по разным предметам: *Алмаз* [Алмаз Иванов, москов. дьяк (1646 г.)], *Балакирь, Бардак* [стакан, кувшин; Бардак Попов, костромск. кр-н (XV век)], *Бархат, Верига, Волянка, Вотря* (мякина), *Голица* (рукавица без варежки), *Кошель, Морохотье* (лохмотья), *Мотовило, Онуча, Путило, Путиша* (XI век), *Реут* (большой колокол), *Топорище, Шабала* (рвань, ветошь) и др.

Лексико-семантический анализ охватил древнерусские имена и прозвища XIV–XVII веков, а также более ранние антропонимы. Классификация А. М. Селищева систематизировала представление о семантическом многообразии некалендарных имен и прозвищ, определила наиболее продуктивные семантические модели и в связи с этим раскрыла некоторые особенности восприятия средневековым человеком мира и себя в нем.

А. М. Селищев определил, что наиболее многочисленными и разнообразными являются группы имен, связанные с внешним видом и свойствами называемого, чаще всего недостатками. Преобладающее количество на наш взгляд обидных, оскорбительных именований было в то время естественным, нормальным явлением. Называемое лицо, отмечает А. М. Селищев, получало кличку как нормальный словесный знак своего времени. Из этого следует, что большинство прозвищ, как и личные имена, были нейтральными и выполняли в первую очередь номинативную (различительную) функцию. Они не были ограничены сферой употребления и использовались не только в быту, но и в официальной документации.

Преобладание прозвищ, характеризующих объект по внешнему виду и свойствам, отмечается также исследователями современных прозвищ: В. Т. Ванюшечкиным, Е. Ф. Данилиной, З. П. Никулиной. Е. Ф. Данилина подчеркивает, что большая часть словных прозвищ не отличается по семантике и структуре от древнерусских личных имен [1: 281–297]. Но современные прозвища эмоциональны и экспрессивно насыщены, не считая отфамильных дериватов, а поэтому стилистически ограничены в силу своей мелиоративности или пейоративности.

В своей статье А. М. Селищев отмечает, что в структурном плане древнерусские прозвища не менее разнообразны, чем в семантическом. И это одна из ведущих идей его исследования.

Прозвищами изначально служили главным образом однословные единицы — имена нарицательные, существительные и прилагательные, иногда образования превосходной степени в прозвищном репертуаре [*Самочерной* (1505 г.), XVII век, сев.-вост.). Но нередко встречались и сочетания слов: *Волчий хвост, Мясная голова, Умойся грязью*. Прозвища-предложения, отмеченные исследователями в современном русском языке и его диалектах, А. М. Селищевым не упоминаются. Кроме нарицательных имен, личными именами и прозвищами могли быть производные формы, чаще всего суффиксальные дериваты. Разнообразие словообразовательных средств, суффиксов уничижительного или уменьшительно-ласкательного значения, как считает А. М. Селищев, является характерной особенностью в образовании личных имен и прозвищ феодального времени. В период феодальной раздробленности некоторые из этих суффиксов изолировались, став диалектной особенностью определенных территорий (*-хно*: *Бохно, Ивахно* — Новгородская обл.; *-ага (-ага)*: *Васяга, Пашага* — Среднее Поволжье), другие претерпели затемнение значения по причине бытования большого количества синонимичных аффиксов.

А. М. Селищев выделяет следующие суффиксы, при помощи которых образовывались прозвища в русских диалектах:

-а: *Беспута* [Беспута Сабуров], *Мяка* [Мяжкой], *Невера, Недомолва, Неусыпа, Скугора, Стрига* [Стрига Онтонов сын] и др.

-а (-я): *Коверя, Коня* [Конь, Коняй], *Миля* [Милой], *Селя* [Селянин], *Щеня* и т. п.

-й: 1) от глагольных основ:

а) *Незнай, Неломай* [Неломай Остафьев сын Олферьева Дурново (1565 г.)], *Несвитай, Нечай, Порывай, Путай* и т. п.

б) *Неумой, Неустой, Строй*.

в) *Непролей, Поспей* [Поспей Угличенин (1566 г.)].

г) *Балуи, Расторгуй*.

2) от прочих основ: *Воропай* (*вороп* — *грабеж, набег*), *Домой* [*Домец, Домаха*].

'-ай (-яй), '-ай-ко, -ей, -ей-ко, -ей-ка. Здесь суффикс был тоже -й при глагольной основе на -'а и -е. "От таких форм отвлечен был позднее суффикс '-ай, -ей и стал входить в образование формы с другой основой" [2:121].

С глагольной основой: *Наделяйко, Смишляй, Глядей* (*Гляд*), *Шумейка*.

С другими основами: *Беляй* (*Белой*), *Черняй, Ширяй* (*Широкой, Ширя*), *Шумляй* (*Шумливой, Шумило, Шум*) и т. п.

-ан, -ован, '-ана: *Высочан* (*Высочко, Высокой*), *Друган* (*Друг*), *Милован* (*Милой*), *Пузан* (*Пузо*), *Шуман* (*Шумило, Шум*), *Беляна*.

Суффикс -ан — указатель на обладание чего-либо выдающегося: большого брюха, глухоты, склонности к дружбе и т. д. В немногих случаях -ан не представляет ясно выраженного значения: *Ротман* — *Ратмир*.

-ман: *Батман* (1504г.) (*Батура, Батута, Батус*), *Рахман* (*рахманной* - *вялый* (на юге), *веселый, щеголь* (на северо-востоке) и т. п.

-н'а (-ня): *Головня* (*Голова*), *Пучня* (*Пучко, Пучок*), *Четвертня* (*Четвертой, Четвертко, Четвертуня*).

-ан', -'он'а, -ин'а, -ун'а, -'ун'а, -ын'а: *Вышаня, Ушаня* (*Ушак, Ушатой*), *Раченя, Треня* (*Третьяк*), *Долгиня* (*Догой*), *Шестуня* (*Шестой*), *Чистюня, Космыня* и др.

-ен': *Гулень* (*Гуляй*), *Дурень, Кислены* (*Кислой*).

-та: *Немта* (*Немой*).

-ава: *Чернава* (*Черной*).

-ат: *Чернат* (*Черной*).

-ар', -ор', -ор: *Лихарь* (*Лихач, Лихой*), *Жихарь, Жихорь, Жихор* (*Жиха*).

-ка (-ко): *Бессонка* (*Бессон*), *Брилка* (*Брила*), *Злобка* (*Злоба*), *Козка* (*Коза*), *Сул ятка, Шейка* (*Шея*) и др.

-ко (-ка): *Беляйко, Завьяйко, Медведко, Посничко, П'янка, Хорошко*.

-ак, -'ак, -'ачко (-'ашко), -'ака: *Беляк* (*Беляй*), *Меньшак* (*Меньшой, -ик*), *Миляка, Плешак* (*Плешивой, Плешко*), *Познячко* (*Поздей, Позной*), *Третьяк, Третьячко* (*Третьей*).

-ок, -енок: *Зубок* (*Зубатой, Зуб, Зубец, Зубко*), *Лобоненок* (*Лоб*) и др.

-ик: *Карпик, Семик, Тупик* (*Тупой*) и т. п.

-ица: *Безлепица, Козица, Черница* (*Чернь, Чернец*) и др.

-ец: *Белотелец, Дедилец* (*Дедило, Дед*), *Домец* (*Домой, Домашней*), *Румянец, Ширяец* (*Ширяй*).

А. М. Селищев отмечает, что с давних времен -ец имел в аэтропонимах уменьшительно-уничижительное значение.

-л (глагольная основа с суффиксом -ль-): *Поспел, Поспелко*.

-ло: *Пердло* [*Данилко Пердло, кр-н* (1495 г.)], *Сморкало, Юрло* и др.

-ило: *Блудило* [*Блуд*], *Петрило* (*Петр*), *Томило* (*Томислав*), *Ярило* (*Ярой, Ярун, Ярополк, Ярослав*) и др.

После гласного -йло: *Губайло, Шувайло*.

Суффиксы -ило и -йло имели уменьшительное значение.

-им: *Бутрим* (*Бутримов*), *Лаврим* (*Лавр*), *Шалим*.

Значение суффикса — уменьшительное.

-да: *Баланда, Боланда* (*баланда* — *шатун, болтун*), *Дыдылда* и др.

Значение суффикса — презрительное.

-'ата: *Вышата, Пуята* [(XI век, 1284 г., 1577 г.), *Путевой, Путеслав*], *Шумята* (*Шумило, Шум*) и др.

-ота: *Вахота, Мякота* (*Мяжкой, Мякуш*) и т. п.

-ута, -'ута: *Лазута* [1076, 1359 гг., бояр. 1536 г., кр-н], *Малюта* (*Малой, Малец*), *Сманута* [*Сманута Микифоров, кр-н* (1539г.)] и др.

-ас: *Кубас, Кукас* (*Кукан*), *Дурас, Мордас, Лобас, Шалдас* (-ов, *шаболда- болтун, врун*).

-ис: *Бабис, Иванис* и др. Значение суффикса — уменьшительное.

-ус: *Бобрус* (*Бобр*) и др.

-х: *Олех* (*Олексей*).

-аха: *Домаха, Тепляха* (*Теплой*).

-ех, -еха: *Репех, Демеха Гвоздев (1605 г.)* и др.

-иха: *Звониха, Шумиха* и т. п.

-оха, -уха: *Жироха, Жируха (Жирой)*.

-хно: *Ивахно, Прохно (Прокофий или Прохор), Олехно* и др.

-ух, -уха: *Дедух, Пеструха (Пестрой), Пятух (Пятой, Пятун)* и др.

-ша: *Левша, Мокша (Мокруша), Ратша (Ратай, Ратибор)* и т. п.

-ша или -иша: в именах *Любишка (Любим), Новиша (Новик)*.

-шка, -шко: *Богдашко, Глушко (Глухой, Глухарь), Юшко (Юрий)* и др.

-аш, -аша, -ашка, -ашко: *Балаш, Гневаш, Ломаш (Ломок, Ломака), Осташ* и др.

-ош, -оша: *Гневош (Гневаш), Торгоша, Ярмош*.

-уш, -уша, -уша, -ушка, -ушко: *Мякуш, Онтуш, Найдюшка, Хрипуша (Хрипун)* и т. п.

-ыш, -ышка, -ышко: *Голышка (Голой), Первыш, Худышко (Худой, Худяк)* и др.

-'ук: *Васюк, Митюк* и др.

-ище: *Бобрище(в), Павлище, Псище, Торпище (Торон)*.

Значение суффикса — уменьшительное.

-'ага, -'ака: *Дубяга (Дуб), Мосяга, Васяга* и др.

-ыга, -ыка: *Коныга (Коньш, Конша), Худыка* и др.

-уй: *Милуй, Репуй (Реп, Репех, Репня), Яруй*.

-ул'а: *Рыкуля (Рыкун, Рык, Рычко)*.

-улко: *Панулко (Пан, Панушко, Павел)*.

-ун, -унка: *Вторунка (Второй), Рыкун (Рыкован), Седун (Седой)*.

А. М. Селищев особо выделяет бессуффиксный способ образования личных имен и прозвищ.

К дериватам, образованным таким способом, относятся сложные формы имен, вторая часть которых — существительное на согласный с нулевым суффиксом, реже с окончанием прилагательного: *Белокопыт, Тупочел, Гнилозуб, Сухорукой*, а также прилагательные с нулевым суффиксом и окончанием -ъ, -а, -о, образованные от существительных с префиксом или без него: *Безокъ, Неверъ, Нелюбимъ, Безнось, Нось, Безузь, Узь*.

Подробное описание словообразовательных аффиксов с указанием их значения иллюстрирует структурное многообразие древнерусских имен и прозвищ, синонимию аффиксов, участвующих в образовании онимов, наиболее продуктивные модели деривации, разнообразие способов словообразования, выстраивает словообразовательные парадигмы.

Большинство перечисленных суффиксов в современной лингвистике является диалектным или просторечным, а следовательно ограничено сферой употребления. Поэтому для исследователей диалектной ономастики работа А. М. Селищева об антропонимах — бесценный источник знаний о структуре и семантике прозвищ, их свойствах и особенностях функционирования. А. М. Селищев детально описывает историческое развитие и формирование антропонимических категорий, как на общенародном, так и на диалектном материале, прозвищу при этом отводится значительная часть его статьи. Исследование А. М. Селищева о происхождении русских фамилий, личных имен и прозвищ не потеряло своей актуальности и в современной антропонимике.

1. Данилина Е. Ф. Прозвища в современном русском языке // Восточнославянская ономастика: Материалы и исследования. — М., 1979.

2. Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Избранные труды. — М., 1968.

3. Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчества и фамилий. — М., 1959.

Н. Л. Швецова

О. М. СЕЛИЩЕВ ПРО ПОХОДЖЕННЯ, СЕМАНТИКУ ТА СТРУКТУРУ ПРИЗВИСК

У статті описано концепцію О. М. Селіщева про прізвисько як історично динамічну антропонімічну категорію, викладену ним у праці "Про походження російських прізвиськ, особистих імен та прізвиськ". Подано лексико-семантичну та структурну типологію російських прізвиськ загальнонародного та діалектного характеру XIV–XVII століть.

Ключові слова: антропонім, прізвисько, мотивація, словотвірний афікс, словотвірна модель.

N. L. Shvetsova

A. M. SELISHCHEV ABOUT AN ORIGIN, SEMANTICS AND STRUCTURE OF A NICKNAME

This article demonstrates the conception of the anthroponomical category's dynamics and shows lexico-semantic and structural typology of its units and specific character of literary and dialectal nicknames in Russia of XIV-XVII centuries. This approach is represented in the publication "About the origin of Russian surnames, personal- and nicknames" by A. M. Selishchev.

Keywords: anthroponym, nickname, motivation, word-building affix, word-building model.

УДК 81'276'373.612-[055.1/2+053]

Т. Ф. Шумаріна, І. Ю. Стопкевич

Лексико-семантичні засоби в системі соціолекту (до проблеми гендерної та вікової варіантності мовлення)

Статтю присвячено проблемі виявлення гендерних та вікових мовленнєвих стереотипів експериментальним шляхом. Виявлено кореляцію цілої низки лексико-семантичних засобів з окремими соціальними ознаками мовної особистості. Результати спостережень можуть бути використані у судово-авторознавчій експертизі документів під час ідентифікації статі та віку автора анонімного тексту.

Ключові слова: юридична лінгвістика, вікові варіанти мовлення, асоціативний експеримент, авторознавча експертиза.

Останнім часом у лінгвістичних роботах як українських дослідників, так і вчених ближнього зарубіжжя дедалі частіше порушується питання соціальної варіантності мови. Серед питань, що обговорюються соціолінгвістами, крім проблем, які мають давню історію та усталені традиції вивчення, наприклад, діалектологічних, активно почали досліджуватися й особливості мови різних соціальних груп, і зокрема, мовна символічна функція. Даний аспект передбачає розгляд мовних варіантів як корелятив соціальних параметрів особистості — вікових, статевих, освітніх, професійних тощо. Такого роду кореляції стали об'єктом особливої уваги ще й тому, що набули статусу перспективного напрямку дослідження нового напрямку — юридичної лінгвістики, який нещодавно сформувався на перетині правознавства і мовознавства [5]. Як відомо, передбачуване судження експерта про соціальні параметри автора анонімного документу може бути висловленим на підставі аналізу певних гендерних, вікових, професійних та ін. вербальних стереотипів, які зберігаються в ідіолекті на різних мовних рівнях, навіть при спробі навмисного викривлення ознак письмового мовлення [3]. Експериментальному виявленню подібних стереотипів на лексичному рівні присвячено це дослідження. В системі соціолекту, здається, саме лексико-семантичні засоби відіграють пріоритетну роль у виконанні символічної функції, зокрема, у віковій атрибуції та репрезентації гендерного диморфізму. На цій підставі зроблено спробу виявити відмінності у використанні певних мовних засобів, а саме синонімів, порівнянь, фразеологізмів, асоціацій, чоловіками та жінками юнацького (15–18 р.) та зрілого (50–60 р.) віку. Вибір вікових груп інформантів не є випадковим. Відомо, що межі дорослості визначаються комплексом соціальних та біологічних причин і залежать від конкретних соціально-економічних умов індивідуального розвитку людини. За теперішнього часу, зазначають фахівці, межі цього періоду в умовах нашого суспільства становлять: 17–18 років — нижня і 50 (для жінок) — 60 (для чоловіків) років — верхня межа. Після 40 років у мовної особистості стає різко вираженим зниження невербальних функцій, а вербальні саме з цього періоду інтенсивно прогресують і досягають найбільш високого рівня після 45 років [6]. Таким чином, вікові групи відбиралися нами з орієнтацією на мовленнєву динаміку вікового розвитку людини. В експерименті брали участь 100 інформантів (51 жінка, 49 чоловіків). Для зручності опису в роботі використано позначки: Ж1 — жінка юнацького віку; Ж2 — жінка зрілого віку; Ч1 — чоловік юнацького віку; Ч2 — чоловік зрілого віку. Дослідження проводилося на матеріалі російської мови.